

“ПОРТЫ БЛАЖЕННЫХ ПЕРВЫХ КНЯЗЕЙ”:
К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ НА РУСИ

В статье рассматривается обычай вывешивать в храмах одежды великих князей. Делается вывод, что эта особенность ритуала восходит к аналогичным церковным обрядам Византии, отражающим идеологию возвеличивания императорской власти.

Проблема рецепции Русью византийских политических доктрин в XI–XIII вв. ставится заново в отечественной исторической литературе. Несмотря на давнюю традицию подобных исследований¹, уровень изученности вопроса далеко не удовлетворителен. Немногочисленные попытки рассмотреть взаимоотношения Руси и Византии под этим углом зрения все еще не приводят к однозначным выводам². Степень усвоения Русью доктрин вселенской империи, супрематии византийских императоров, иерархического миропорядка до настоящего времени не вполне ясно представляют себе даже исследователи, поставившие эту задачу среди главных целей своих работ³.

Такое положение не в последнюю очередь обусловлено тем, что в интересующей нас области до последнего времени трудились главным образом византиноведы. Ими собран довольно внушительный фактический материал, не оставляющий сомнений, что на берегах Босфора смотрели на Русь, как на безусловно подчиненное (если в данном контексте уместен такой термин) государство, отводя ему притом непомерно скромное место в иерархии держав, возглавляемых византийским императором. В отношении Византии проблема, в сущности, решена еще в трудах начала века. Империя высказывалась вполне отчетливо. Позиция же противной стороны – Руси – гораздо менее ясна.

Историографическая ситуация, таким образом, требует не только “взгляда с юга”, но и ответной оценки “с севера”, усилий не только византинистов, но и историков Руси. Шаги по этому пути сделаны только в самое последнее время Я.Н.Щаповым и Б.Н.Флорей⁴, но они, конечно же, не исчерпали проблему. По-прежнему историки не располагали “вещественными доказательствами” русского происхождения, определенно свидетельствовавшими бы о знакомстве Восточной Европы с византийскими политическими доктринами в XI–XIII вв.⁵

По существу, исследователи, разделяющие мысль, что Руси не вполне была чужда идея вселенской империи и до некоторой степени с нею в Киеве считались, располагая документальными свидетельствами XIV–XV вв., ретроспективно переносят подобное же положение и в XI–XIII вв. Только недавно был поставлен вопрос о вкладе киевского периода в генезис позднейшей легенды о “Мономаховых дарах”

и концепции "Москвы — третьего Рима". Б.Н.Флоре удалось показать своеобразное преломление в сознании древнерусского общества мысли о превосходстве Империи: во второй половине XII в. на берегах Днепра "перст" Иоанна Предтечи, принесенный в Киев в княжение Владимира Мономаха, считали частью византийских коронационных регалий, что впоследствии, возможно, дало основание приурочивать передачу царских утварей именно ко времени Владимира Всеволодовича⁶.

Сказанным, естественно, не ограничивается количество перетрактовок византийских взглядов в русской среде. Хотелось бы обратить внимание еще на одно явление, стоящее в этом же ряду.

Под 1237 г. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку в рассказе о разгроме татарами Владимира-на-Клязьме среди прочих ужасов описывает падение последней твердыни защитников Богородичного Златоверхого собора. После того, как монголы взломали двери храма, они "святую Богородицю разграбиша — чюдную икону одраша, украшену златом и серебром и каменемъ драгым, — и монастырьъ всѣ. И иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поймаша. И кресты честныя, и сруды священныя и книги одраша, и порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ, — то все положиша собѣ в полонь⁷.

Несомненен вставной характер процитированной записи⁸, что заставляет искать ее источник. В этом достаточно стандартном для древнерусского летописания изображении грабежа с традиционным перечнем разграбленного⁹, далеко не всегда отражающим действительный масштаб происходящего, из общего привычного ряда выделяются только "одежды первых князей", сохраняемые в церквах. Можно было бы гадать, о каких именно "первых" владельцах Северо-Восточной Руси в данном случае идет речь, если бы приведенный отрывок не был полностью заимствован из реляции о взятии Киева союзными великому князю Рюрику Ростиславичу войсками (помещена в той же летописи под 6711/1203 г.). Текст идентичен: "Не токмо одию Подолье взяша и пожгоша (Рюрик с Ольговичами. — А.Т.), ино Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицю разграбиша, и монастыри всѣ. И иконы одраша, а иныѣ поймаша, и кресты честныя, и сруды священныя, и книги, и порты блаженныхъ первых князьи, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ (курсив наш. — А.Т.), — то положиша все собѣ в полонь"¹⁰. Как видим, все несообразности текста в приложении к Владимиру-на-Клязьме исчезают в контексте киевских событий 1203 г. Именно этот текст и следует считать первоначальным, описывающим именно киевские реалии¹¹.

О каких одеждах первых киевских князей, сохраняемых в Софийском соборе и, возможно, в Десятинной церкви, упоминал летописец? Подобная практика, кроме этих уникальных сообщений, древнерусскими источниками, как нам известно, не засвидетельствована. Удивление

вызывает уже сам факт хранения (в алтарях?) храмов светских одежд княжеского происхождения.

Единственной аналогией может служить, пожалуй, только византийский обычай хранения царских одежд и инсигний, засвидетельствованный Константином Багрянородным: облачения, принадлежавшие некогда Константину Великому, хранились в соборе св.Софии в Константинополе. Полагаем, что в данном случае он послужил и источником древнерусской (киевской) практики.

В византийской теории отправным пунктом вселенской власти императора расценивалось правление первого царствующего христианина — Константина. Согласно традиции, его одежды не были произведениями рук человеческих, но ниспосланы богом через ангела, повелевшего "положить их в Великой божьей святой церкви, которая именем самой истинной мудрости божьей святою Софией нарекается"¹². Этим одеждам придавалось почти мистическое значение: "они подвешены над святым престолом в алтаре этого самого храма и являлись украшением церкви. Прочие же царские одеяния и облачения разостланными положены поверх святого сего престола"¹³, служа своего рода символом и вещественным доказательством супрематии императора в христианском мире.

Некоторые ученые с полным доверием относились к сообщению Константина¹⁴. Однако Г.Г.Литаврин вслед за Р.Дженкинзом совершенно справедливо полагает, что в данном случае перед нами "сознательная идеологическая фикция", рассчитанная на полное неведение варваров в этом вопросе¹⁵. Действительно, согласно трактату "О церемониях византийского двора" того же царственного автора основная часть царских одежд хранилась в храме св.Феодора, размещавшемся в северо-восточном углу Хрисотриклиа. Облачения находились "в длинных плоских ящиках (*та таβλία*) (от *tabula*)", царские венцы — в "ларцах" цилиндрической формы (*та χορνίχλια*)¹⁶.

Вместе с тем не все из написанного императором — ложь. Так, царские одежды, видимо, действительно служили покровом престола св.Софии. Согласно обряднику "О церемониях" император целовал покров престола, названный *τὸ ταβλίον*, что означает либо ящик, в котором хранились царские одежды, либо нашивку на хламидах царей и высших чинов, выполненную "из другой, нежели остальная одежда материи, часто всю вышитую и расшитую золотом и шелками"¹⁷. Д.Ф.Беляев предполагал, что таким же образом был расшит и покров, но указание "Об управлении империей" склоняет видеть тут собственно одежды.

В сопоставлении константинопольского и киевского обычаев удивляет, помимо почти текстуального сходства сообщений, совпадение целей — напоминание о началах государственной власти; о первом императоре Нового Рима; о "первых" князьях. Да и сам ритуал, видимо, был идентичен: в обоих случаях царские или княжеские одежды были развешаны в церквях, возможно, в алтаре, как украшение храма.

Что позволяет, помимо внешнего сходства, сопоставлять эти два обычая и выводить один из другого?

По крайней мере с самого начала XII в. русскому обществу хорошо была знакома идея *translatio imperii*, давшая начало византийскому ритуалу хранения императорских одежд. В сугубо византийской трактовке ее внушал Владимиру Всеволодовичу Мономаху митрополит Никифор, замыкая эту теорию именно на императоре Константине: "Понеже великий Костянтинъ отъ Христа приимъ Царство и хръстовие и чаросты, и преложи Римьское Царство ветхаго Рима въ Константинъ градъ..."¹⁸

В этом контексте привлекает внимание то обстоятельство, что древнерусские памятники 40–50-х годов XI ст. утверждают мысль о Владимире Святославиче — первом князе-христианине, как о "Новом Константине" ("Слово о законе и благодати" Илариона, "Память и похвала" Иакова Мниха, "Слово о том, како крестися Володимер, возмя Корсунь", летопись). Неоднократно высказывалось и, очевидно, уже утвердилось мнение, что в это же время в Киеве наблюдаются явные попытки *imitatio imperii*: названия Софийского собора, Золотых ворот и др., — видимо, явления из этого же ряда. Полагаем, что к ним следует отнести и незамеченный ранее факт копирования обычая хранения царских одежд¹⁹.

Наконец, располагаем и прямым свидетельством знакомства Руси с константинопольским обрядом, оставленным Добрыней Ядрейковичем, ставшим впоследствии новгородским архиепископом Антонием. Описывая константинопольские святыни, виденные им около 1200 г., в том числе и Софийский собор, русский паломник отметил среди прочего "Во олтари же великомъ надъ святою трапезою великою, на средь ея, подь катапезмою повешень Коньстантиновъ в нънець и у него же повъшень крестъ, подь крестомъ голубъ златъ; и иных царей вьнцы висять окрестъ катапезмы. Та же катапезма вся сотворена отъ злата и сребра..."²⁰ А у катапезмы повъшены вьнцы малы, 30 ихъ, — въ память всъмъ христианомъ и въ незабытии Юудиньхъ ради 30 сребреникъ..."²¹

Характерно, что Антоний, как позднее Игнатий Смолянин²², концентрирует свое внимание на венцах, не упоминая собственно царских одежд. Возможно, это подтверждает давно высказанную мысль, что Русь не знала чего-либо подобного княжеским диадемам или коронам, а головным уборам князей не придавалось никакого ритуального значения. Поэтому паломники и обращали внимание прежде всего на необычное для них явление.

Любопытно сближение византийского обряда украшения алтаря императорскими венцами с позднейшей практикой русской православной церкви: "Венцы вешались (в Византии. — А.Т.) по всем четырем сторонам кивория... В некоторых церквях у нас встречается на святых или царских вратах корона, венчающая их. Думается, что она представляет следы давно минувшей практики. С выходом из употребления кивориев украшения их перешли на святые врата..."²³

О времени возникновения киевского обычая хранения княжеских "портов" мы не можем уверенно судить. Как отмечалось, документальное свидетельство знакомства русских с византийским прототипом датируется 1200 г.²⁴, а первое недвусмысленное упоминание о его бытовании на Руси — тремя годами позже. Однако относить и само его начало к этому времени препятствует весь контекст политической и идеологической жизни Руси рубежа XII—XIII вв., заставляя отодвигать дату вглубь. Но описания убранства церквей XI—XII вв., как отмечалось, — трафаретные, не упоминают в них княжеских одежд. Например, изображение погрома Киева в 1169 г. как будто бы не дает оснований полагать, что уже в это время "княжеские порты" хранились в Софии²⁵. Однако молчание о них летописи может объясняться и тем простым фактом, что они не пострадали в тот год. Приходится, таким образом, датировать обряд, исходя из его содержательной стороны. Поскольку, как указывалось, он был одним из элементов *imitatio imperii*, под "первыми князьями" следует понимать первых христианских владетелей Киева — Владимира и Ярослава (первому из них действительно источники прилаголяют адъектив "блаженный"²⁶), с определенной долей вероятности возникновение разбираемого обычая можно относить к середине XI в. — времени наиболее интенсивного идеологического "соперничества" с Византией.

Вполне вероятно, что заимствование Русью обряда было победой константинопольской дипломатии, сознательно пропагандировавшей этот "экспортный вариант" имперской идеологии, далеко не во всех деталях соответствовавший истинному положению вещей.

Что же представляли собой княжеские одежды, какой ранг киевского князя в византийской придворной иерархии они отражали? Об этом можно только гадать, так как вопрос не разработан, а сами облачения погибли²⁷.

Имел ли киевский обряд какой-либо резонанс в других землях Руси? Прямых свидетельств тому найти не удалось, но летописные записи содержат, кажется, основания для утвердительного ответа. Находим их в записи 1185 г. Лаврентьевской летописи о пожаре во Владимире-на-Клязьме, от которого пострадал и собор Богородицы, где, как считалось позже, хранились княжеские одежды: "Бысть пожаръ великъ в Володимери граде... Погорѣ бо мало не весь городъ... И зборная церкви святая Богородица Златоверхая, юже бѣ украсилъ благовърны князь Андрѣ и, и та загорѣся сверху, и что бяше въ неи: узорочии, поникадила сребренная, и ссудь золотых и сребреных, и *портъ, золотом шитых и жемчугом*" (курсив наш. — А.Г.)²⁸. Такой же, но несколько более подробный рассказ содержится и в Ипатьевской летописи, расширенный за счет описания, что "расшитые золотом и жемчугом порты" из церкви Богородицы вешали в дни праздников на двух веревках от Золотых ворот до собственно собора, и от него — до "владычных сеней"²⁹.

В текстах отсутствуют прямые указания о светском характере одежд, хранимых во Владимире, но их можно предполагать. В XI–XIII вв. для обозначения мирских и священнических одежд употреблялись слова "порты" и "ризы", семантически почти равноправные. Однако значение мирских облачений все же преимущественно принадлежало первому из них, тогда как "ризы", употребляемые в этом значении, как правило, сопровождались пояснительными прилагательными (властительские, "брачные" и т.д.)³⁰. Аналогично и "порты" в значении церковных одеяний чаще всего оговариваются (священнические, мнишеские)³¹. Собственно, косвенное подтверждение тому, что хранимые в св.Богородице одежды были княжеского происхождения, находим у позднейшего суздальского летописца, под 1237 г. писавшим именно о светских одеждах в этой церкви (которые совершенно не обязательно погибли в пожаре 1185 г.), для чего он и заимствовал сообщение о киевских событиях 1203 г.³²

Примечательно, что начало этого обычая во Владимире летопись связывает с именем князя Андрея Боголюбского, на протяжении всей своей деятельности пытавшегося перенести "великое княжение" из Киева во Владимир. Нет необходимости специально подробно обосновывать реальность этого русского "translatio imperii"³³. Напомним только, что на княжение этого князя приходится копирование киевских атрибутов: Золотые ворота во Владимире; учреждения параллельной митрополии – далеко не полный перечень фактов этого рода.

Вполне вероятно предположить, что и наследование киевского обряда хранения княжеских одежд, в свою очередь скопированного с византийского оригинала Андреем Боголюбским в соборе Успения Богородицы, построенном специально для одноименной византийской иконы, перенесенной из Вышгорода и долженствовавшей служить сакральным свидетельством преемства "великого княжения" от Киева³⁴, являлось одним из мероприятий князя по утверждению равноправности Владимира и "матери городов русских".

Таким образом, если в Киеве хранению одежд князей в Софийском соборе и Десятинной церкви придавали значение соревнования с Константинополем, то во Владимире – с Киевом.

Какая-то память о подобном же обычае хранилась несколько позже и в Рязани, свидетельство чему можно усмотреть в "Повести о разорении Рязани Батыем", и здесь он связывался с Богородичным собором: "И придоша (татары. – А.Т.) в церковь соборную пресвятая Богородици... и ерви, черноризца до останка искоша, и весь градь пожгоша, и все *узорчье нарочитое, богатство резанское и сродних их киевское и чернниговское* поимаша, а храмы божия разориша, и во святых олтарехъ (курс. наш – А.Т.), много крови пролиаше"³⁵.

Д.С.Лихачев, комментатор "Повести о разорении Рязани Батыем", переводит "узорчье" как "драгоценности", ювелирные изделия. Едва

ли это точный перевод. Словом "узорочь" обозначали драгоценные расшитые ткани, одежду и только иногда — просто ценности³⁶. В значении "дорогие ткани" употребляет "узорочь" и автор "Слова о полку Игореве"³⁷.

Под "сродниками" текста, несомненно, следует понимать князей. Любопытно упоминание, помимо киевских, черниговских "сродников": княжеские одежды из Софии Киевской и Десятинной церкви стали трофеем именно черниговских князей в 1203 г.

Возвращаясь к киевскому обряду, отметим совпадение, на наш взгляд, не случайное: княжеские одежды хранились в двух храмах — Софийском и Десятинной церкви. Именно в них находились и княжеские "столы", и происходил официальный обряд интронизации киевских князей³⁸. Княжеские одежды, хранимые в этих церквях, могли иметь, следовательно, не только декоративное и мемориальное значение, но и, подобно Константинополю, использоваться в ритуале "посаждения на стол".

Говоря о бытовании византийских политических доктрин на Руси, исследователи, как правило, сграницивают его время первой половиной XI в. — правлением Владимира и Ярослава Мудрого. В данной статье мы попытались показать, что и в XII—XIII вв. они продолжали оказывать влияние на древнерусское общество, переосмысливались, формировали идеи и моделировали соответствующие ритуалы³⁹.

¹ *Иконников В.* Опыт о культурном значении Византии в русской истории. — Киев, 1869. — 575 с.; *Дьяконов М.* Власть московских государей: Очерк из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. — Спб., 1889. — 224 с.; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. — Харьков, 1901. — 400 с.; *Соколов Пл.* Русский архиепiscop из Византии и право его назначения до конца XV в. — Киев, 1913. — 577 с.; *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерк русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. — Пг., 1916. — 463 с.

² *Obolensky D.* Relations between Byzantium and Russia (11th — 15th Century) // *Obolensky D.* The Byzantine Inheritance of Eastern Europe // L., Var. repr. — 1982; *Медведев И.П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. — Л., 1972. — С.412—424.

³ *Dvornik F.* Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // *Dumbarton Oaks Papers.* — 1957. — Vol. 9, 10; *Poppe A.* Państwo i kostiol na Rusi w XI w. — Warszawa, 1968. — S.66 et pass.; *Meyendorff J.* Byzantium and the rise of Russia: A study of Byzantino-Russian relations in the fourteenth century. — Cambridge, 1981; *Sevcenko I.* Byzantium and the Slavs // *Harvard Ukrainian Studies.* — Cambridge (Mass.) 1984. — Vol. 8, N 3/4. — P.289—303; *Литаврши Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. // *История СССР.* — 1970. — № 4. — С.43—53.

⁴ *Шпанов Я.Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI—XV вв. // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед.* 1987 г. — М., 1989. — С.159—166. *Флоря Б.Н.* К генезису легенды о "дарах Мономаха" // Там же. — С.187—195; *Толочко О.П.* Э исторической думки Руси XI—XII ст. // *УИЖ.* — 1988. — № 9. — С.70—77.

- ⁵ Среди таковых Ф.Дворник и Д.Оболенский называют знакомство Руси с Номоканоном, где подчеркнута супрематия императора, некоторые другие памятники, переведенные на Русь, а также особенности иконографии росписей Софийского собора в Киеве. Нетрудно заметить, что и эти свидетельства отражают точку зрения Византии.
- ⁶ Флоря Б.Н. Указ. соч. – С.186–187.
- ⁷ ПСРЛ – Т.1. – Ч.2. – Стб. 463.
- ⁸ Так, приведенное описание приурочено к разграблению внутренностей Успенского собора ("св. Богородицы"), но здесь же некто упоминаются "монастыри", "святые церкви"; название церкви отождествлено с иконой Богородицы.
- ⁹ Иконы, книги, монастыри и т.д. встретим, например, и в описании погрома Киева 1169 г. ПСРЛ. – Т.1. – Ч.2. – Л., 1927. – Стб. 354, 470; ПСРЛ – Т.2. – Спб., 1908. – Стб. 545, 785 (и в 1240 г.).
- ¹⁰ ПСРЛ. – Т.1. – Ч.2. – Стб. 418. Далее, как и в статье 1237 г., следует идентичная резюмирующая цитата из Писания.
- ¹¹ Видимо, упоминание в статье 1203 г. Десятиной церкви (св. Богородицы) дало основание суздальскому летописцу отождествить ее с Успенским собором (св.Богородицей).
- ¹² *Багрянородный Константин*. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. – М., 1989. – С.55.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Ostrogorsky G.* The Byzantine Emperor and the hierarchical world order // The Slavonic and East European Review. – 1956. – Vol.LXXXV. – N 84. – P.3–4.
- ¹⁵ *Багрянородный Константин*. Об управлении империей. – С.336, 340–342.
- ¹⁶ *Беллев Д.Ф.* Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям (Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св.Софии в IX–X в. – Спб., 1893. – Кн.2. – С.44).
- ¹⁷ *Беллев Д.Ф.* Указ. соч. – С.155.
- ¹⁸ *Калайдович К.* Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением и образцами почерков. – М., 1821. – С.157.
Это находилось в полном соответствии с развиваемой с VII в. в самой Византии идеологией, утверждающей Константина "идеальным правителем", основателем Нового Рима и самой христианской державы (*Багрянородный Константин*. – Об управлении империей. – С.341).
- ¹⁹ Святости и нерушимости императорских облачений, хранившихся в Константинопольской Софии, придавалось большое значение. Известно, какие строгие предписания касательно невозможности изменения древних установлений приводит Порфиригенет (*Багрянородный Константин*. Об управлении империей. – С.55–57).
- ²⁰ Термин "катапезма" в употреблении Добрыни Ядрейковича П.Савваитов комментирует следующим образом: "Словом катапезма или катапетазма наш паломник называет надрестольную сень, и завесу, употребляя, впрочем, и это последнее название" (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия / Предисл. и примеч. Павла Савваитова. – Спб., 1872. – С.83. – Прим. 40). Константин Багрянородный для обозначения завесы употребляет иные термины – "ἡ χορτία, το ρίλον". (*Иоанн, иеромонах*. Обрядник византийского двора / De ceremoniis aulae Byzantinae / как церковно-археологический источник. – М., 1895. – С.43). Возможно, что Антоний не различил завесу и императорские одежды, приняв их за одно (см. прим. 17).
- ²¹ *Путешествие...* – Стб. 83; Книга паломник : Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр.М.Лопарева // Православный палестинский сборник. – Спб., 1899. – Т.17. – Вып.3. – С.9, 45, 75.

- 22 *Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т.12. – С.95–104.*
- 23 *Иоанн, и трюмонах.* Обрядник византийского двора. – С.74.
- 24 Добрыня Ядрейкович, с одной стороны, приводит дату своего пребывания в Царьграде – май 1200 г., а с другой – указывает, что его паломничество совершено в правление Алексея III Ангела (1195–1203) и в патриаршество Иоанна X Коматира (1198–1204). См.: *Путешествие...* – С.89.
- 25 *ПСРЛ. – Т.1. – Ч.2. – Стб. 354; Т.2. – Стб. 545.*
- 26 *ПВЛ. – Ч.1. – М.; Л., 1950. – С.89; Молдован А.М. "Слово о законе и благодати" Илариона. – Киев, 1984. – С.97.*
- 27 Последнее исследование княжеских одежд с этой точки зрения см.: *Кондаков Н.П.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. – Спб., 1906. В середине XIX в. в ризнице Софийского собора уже не было одежд древнее XVII в. *Фундуклей И.* Обзорение Киева в отношении к древностям. – Киев, 1847. – С.47.
- 28 *ПСРЛ. – Т.1. – Ч.2. – Стб. 393.*
- 29 *ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 630.* Ошибочно помещено под 6691 г.
- 30 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Спб., 1903. – Т.3. – Стб.121.
- 31 *Там же. – Спб., 1895. – Т.2. – Стб.1752–1755.*
- 32 И.И.Срезневский перевел "порты" в статьях Лавр. 6693 и Ипат.6691 как "пелена", видимо, ошибочно, так как зачислил сюда и "порты" из статьи 6711 (1203) Лавр. Для обозначения пелены в XII–XIII вв. употреблялось слово "завеса", как это делал архиепископ Антоний (*Путешествие...* – С.83–84).
- 33 *Hurwitz E. Prince Andrej Bogoljubskij : The man and the myth. – Firenze, 1980. – P.21–29; Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь : Очерки социально-политической истории. – Л., 1987. – С.48–79.
- 34 См. доклад Я.Пеленского на международной конференции, посвященной 1000-летию христианства в Руси – Украине (Равенна, 18–24 апреля 1988 г.): *Pelenski J.* The contest for "Kievan succession" (1155–1175): The religious-ecclesiastical dimension; *Pelenski J.* The sack of Kiev of 1169: Its significans for the succession to Kievan Rus // *Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge (Mass.). 1987. – Vol.LXI. – N 3/4. – P.303–316.*
- 35 *Воинские повести древней Руси. – М.; Л., 1949. – С.12.*
- 36 *Срезневский И.И.* Материалы... – Стб. 1171.
- 37 *Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". – Л., 1984. – Вып.6. – С.99.*
- 38 В Византии императорский престол находился в св.Софии, там же проходил обряд венчания, там же хранились царские одеяния. Княжеские столы, упоминания о которых в летописях – не просто фигура речи, но указание на реально существовавшие троны, стояли в Десятинной церкви и в Софии ("Ярославов стол"). *Poppe A.* Das Reich der Rus im 10 und 11 Jahrhundert: Wandel der Ideenwelt // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 1980. – Bd. 28. – H.3. – S.351–352.*
- 39 На Руси знали и другие византийские ритуалы, например порядок хранения императорского оружия. Парный набор его (мечи, два золотых щита и два копья) выносились двумя спафариями, во всех церемониях стоявшими подле императора (*Беляев Д.Ф.* Указ. соч. – С.46), что отражено фреской Софийского собора в Киеве – "Прием Ольги византийским императором" (*Высоцкий С.А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. – Киев, 1989 – С.136. – Прим. 53). Знание византийского обычая прослеживается до конца XII в. Парские предметы вооружения хранились в тронном зале – хрисогриклине (*Беляев Д.Ф.* Указ. соч. – С.46). Подобно этому меч св.Бориса хранился не как церковная реликвия, а в княжеских палатах Андрея Боголюбского (*ПСРЛ. – Т.2. – Стб.586–587).*